К. Ю. Ерусалимский

КАК СДЕЛАНА «ИСТОРИЯ» А. М. КУРБСКОГО: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ТЕКСТА

В «Истории вкратце» и «Истории о князя великого Московского делех» (далее: ИВКМ) А. М. Курбского нет ни одной даты и летописной статьи. Данные о хронологии ряда событий приведены неточно, с демонстративной неопределенностью, выраженной в формулах «в тех же летех...», «по тех же всех...», «тогда же...», «егда же уже...», «аки...» или в развернутых описательных конструкциях «пред самым же солнечным восходом, або мало что уже нача солнцу являтися», «в начале мучительства своего...», «и прежде даже оному Филиппу на митрополию еще не возведенну...»[1]. Хронологическая сетка стерта, на ее месте – громоздкие узлы из привязок к различным временам повествования, и единое время «от Адама» исчезает, уступив место противоречивым хронологиям от начала рассказа. События при этом соотнесены во времени с другими событиями текста, которые в свою очередь зафиксированы в подобных нарративных связках.

Методика исследования узловой хронологии текста, с целью датирования источника, должна отличаться от приемов, разработанных для летописных памятников[2]. Индикаторы современности, призванные уточнить положение автора на хронологической оси, могут указывать на несходные промежутки времени. Индикаторы удаления от событий также фиксируют временной промежуток между высказываниями, каждое из которых относится одновременно к последовательности и актуальности. Крайние, рамочные даты (самое раннее и самое позднее события, современные автору) при этом не обязательно применимы для дати-

ровки. Степень их действенности может быть установлена при условии воссоздания всей сетки хронологических привязок отдельных высказываний текста. В обширной историографии, посвященной датировке ИВКМ, присутствует тот общий недостаток, что на всем текстовом полотне производится поиск высказываний, адресующих к крайним датам, к которым притягивается внутреннее время остального повествования.

«Работоспособность» многих датирующих признаков до сих пор дискутируется. Наиболее устойчивые аргументы строятся на упоминаниях лиц и цитатах из датированных сочинений А. М. Курбского. Сфера действия этих индикаторов требует ограничения узкими контекстами.

Хроника. Композиционное единство первой части «Истории» — до трех мартирологов (М1—3) — плод кропотливой работы автора. Но вопрос особенностей составления текста не решается установлением тематического и стилистического единства. Специального анализа требует архитектоника трактата. Во-первых, хроникой первая часть названа только во второй (во Втором мартирологе), причем со ссылками на князей И. И. Дорогобужского и Ф. И. Овчинина Оболенского[3], И. В. Большого Шереметева[4], Ф. С. и И. Ф. Воронцовых[5] как ее героев. Ссылкам соответствуют эпизоды «рождения лютости» (первых казней) и повесть о Крымском походе. Обращает на себя внимание повторяющаяся во всех ранних списках пространной редакции ошибочная оговорка относительно «предреченных» Ф. С. и В. Ф. Воронцовых в эпизоде о «рождении лютости»[6]: для самого начала трактата сомнительно объяснение этой загадки опиской автора. Во-вторых, такая структура книги не случайна: хроника для А. М. Курбского выполняла функции анналов — в нее попадали события живой современности, и создавались повести, должно быть, не только по памяти, а в основном по современным записям. История же выполняла иные задачи: в ней интерпретировались события и приводились аналитические воспоминания, что и отличало события, записанные в жанре хроники и в жанре истории[7]. Понимание жанра позволяет в данном случае подкрепить мнение о том, что «кроника», тождественная не всей «первой части» трактата, а лишь каким-то сюжетам, вошедшим в ее окон-

чательный состав, составлялась на основе более ранних черновых или дневниковых записей.

К моменту составления М1 была подготовлена и казанская повесть, тоже носящая черты расширенной военной хроники — жанр, в котором централизованно собирались черновые материалы (возможно, и *черные списки* А. Ф. Адашева) для подготовки целого ряда текстов кануна опричнины. Упоминание «летописной книги Рускои»[8] также связывает казанскую повесть с М1, в свою очередь более стройным, чем М2, и корпоративно организованным. Любопытно, что все отрывки, к которым непосредственно отсылает хроника, и казанское сказание лишены цитатных вкраплений из святоотеческой литературы и *лишь композиционно* связаны с эпизодами, в которых такие цитаты присутствуют либо в тексте, либо в примечаниях.

Царевич Иван. С. А. Елисеев, уже опираясь на осторожные текстологические сравнения Третьего Послания Курбского (далее: ТПК) с ИВКМ, проведенные Д. Л. И. Феннелом (направление текстологической связи до сих пор не исследовалось), аргументировал в пользу поздней датировки всего текста «Истории». Решающим исследователь признает тот факт, что Курбский не ссылается в письмах 1578—1579 гг. на ИВКМ, а следовательно, продолжает над ней работать. Глухое пророчество о гибели царского дома не могло быть составлено, по мнению С. А. Елисеева, до смерти царевича Ивана 19 ноября 1581 г. Следовательно, князь Андрей работал над своим трудом в конце 1570-х и закончил его между концом 1581 и маем 1583 г.[9] И. Ауэрбах и после нее В. В. Калугин признавали тот же день смерти Ивана Ивановича датой *ad quem*, поскольку сыновья Грозного в ИВКМ «упоминаются как живые»[10]. Разногласие вызвано неясностью источника. Во-первых, Иван и Федор Ивановичи в тексте *не упоминаются.* Во-вторых «убийцей сынов» назван царь в сравнении с упомянутым тут же Иродом[11]. Эта ассоциация не исключает истолкования С. А. Елисеева: у Курбского за тревогой о детях Ивана IV заметно пророчество: «От сего, Боже, сохрани тебя... Бо уже и то, аки на острею висит, понеже аще не сынов, но соплемянных и ближних в роде братею уже погубил еси»[12]. В Речи Посполитой распространялись слухи о ссорах царя с наследником, о случаях замены царем жен и двора сыну. Убийство сынов уже «на острию»,

назрело. Князь мог написать эти строки Заключения «первой части» вскоре после гибели царевича, когда курсировали неподтвержденные слухи о случившемся.

Мартирологи. А. А. Зиминым был обоснован тезис о наличии добавлений из «Истории краткой» и информацией за 1573 г. к первому и второму мартирологам ИВКМ[13]. Считать 1573 год рубежным для составления текста не позволяют: более поздняя датировка «Нового Маргарита», упоминания в ИВКМ еще более поздних казней в третьем мартирологе и неясная, но значительная хронологическая дистанция автора от поздних событий рассказа при составлении первых двух[14]. Отвергнув дату «1573 г.», мы не получаем автоматических оснований устранить логику построения А. А. Зимина и значимость рубежа 1572–1573 гг. для создания текста или его частей.

А. Мартирологи Первый и Второй. Во-первых, о смерти его семьи говорится вне связи с родом Морозовых-Салтыковых. Во-вторых, запись о М. Я. Морозове сделана после заключения М2 («И что излишне глаголю...»[15]). Думается, Курбский получил известие о смерти боярина и его семьи уже после завершения М2. Трудно предположить, что известия о процессе над кнн. М. И. Воротынским и Н. Р. Одоевским пришли отдельно от новостей, относящихся к М. Я. Морозову. Следовательно, либо и «плач» о воеводах в М1 имеет вставной характер[16], либо по каким-то причинам только мартирий Морозовых был приписан позднее остальных к М2. Отрывок о *погублении* В. В. Морозова (не ранее второй половины 1564 г. и до 1568 г.[17]) и Л. А. Салтыкова (1571 г.) заканчивается фразой, предполагающей значительную хронологическую дистанцию относительно событий записи: «Ныне, последи, слышах о Петре Морозове, аки жив есть [умер в 1580 г.]; тако же и Львовы дети не все погублены [В. Л. Салтыков умер около 1577 г.]...»[18]. Курбский мог узнать об их судьбе к середине 1570-х гг., но, думаю, не позднее, чем получил сведения о М. Я. Морозове, — значит, примерно, в 1571–1577 гг., а скорее всего, в 1571–1575 гг., поскольку к последней дате относится пучок информации о московских казнях. Можно считать обоснованным, что основная группа известий М2 относится ко времени до 1572 г. и есть значительные хронологические разрывы между основными записями и двумя названными дополнениями, которые так-

же отстоят друг от друга по времени составления. Причем, если учитывать ссылки князя на свою память не только в качестве риторического приема, он *забыл* имя младшего сына Михаила Яковлевича, должно быть названное информаторами, и в этом случае дополнение к М2 написано значительное время спустя после лета 1573 г., что может подкрепить раннюю датировку предшествующих записей.

Единого принципа организации списка мучеников в случае М2 нет. Наиболее убедительной остается рабочая гипотеза А. А. Зимина о ведении записей Курбским в порядке поступления новых сведений из Московии через доверенных и перебежчиков в Литву. Автор «Истории» старается приводить достоверную информацию, избегает категорических суждений в тех случаях, когда для этого нет минимальных оснований. Некоторые суждения, тем не менее, заставляют насторожиться. Колычевы, пишет Курбский в М2, «погублени суть всеродне»[19]. Однако после *дела* митрополита Филиппа и казней 1568–1569 гг. они оправились к 1574 г.

Новая волна казней затронула Умных-Колычевых в 1575 г. Неосновательных категоричных утверждений Курбский не стал бы делать в 1573 г., когда В. И. Умного-Колычев вел переговоры с польско-литовским избирательным сеймом о кандидатуре Ивана IV па королевский престол[20]. «Братия» Бутурлины также погибали в 1569–1570 и в 1575 гг.[21]

Можно предположить, что некоторые материалы для М1 автор вставил в М2, не решаясь переписывать значительный отрывок текста. О «всеродном» избиении семьи князя Андрея Аленкина, «брата единоплемянного» Курбского, говорится только после «рязанского» мартирия в М2. В отрывке о Ярославских князьях в М1 Аленкин не упомянут. Зато, говоря о его смерти, Курбский ссылается на «предреченнаго» князя Федора Романовича, сведения о котором изложены в мартирии «единоплемянных» Курбского в М1. Следовательно, князь Андрей узнал о смерти Аленкина уже после составления княжеского мартиролога. М1 составлен еще до М2. Это не касается первых отрывков о побиении родственников А. Ф. Адашева и М. П. Репнина. Расширенный вариант мартирия Репнина связан с повестью о суде над советниками. На повесть ссылается автор: «начал пити, с некоторы-

ми любыми ласкатели своими, оными предреченными великими, обещанными дьяволу, чашами»[22]. В повести о суде говорится: «И что еще к тому прилагают? Чаши великие, воистинну дияволу обещанные»[23].

Еще в повести о Кирилловском езде говорилось, что старец Вассиан Топорков всеял в сердце царя безбожную искру, «от неяже во всеи Святорускои земли таков пожар лют возгорелся, о нем же свидетельствовати словесы мню не потреба»[24]. Это не риторический прием: далее предлагается ссылка на существующие в каком-то виде краткие мартирологи, которые автор намерен изложить «напреди»[25]. Заявление писателя о творческих планах позволяет судить о подготовке текста. О том, что к 1575 г. уже составлялись M1 и M2, свидетельствуют строки из предисловия к Новому Маргариту (далее: НМ): «царь бысть возверзен не токмо мужей нарочытых и светлых чиновников, албо воинов крепких, но и жен благообразных и пресветлых в родех погубил различными муками, и младенцев, в первом възрасте и в мяхком телеси и сущих от сесцов матеръных, не пощадил»[26]. Заметим, что о «священномучениках» здесь не говорится. Видимо, около 1575 г. А. М. Курбский готовил отрывки для недостижимой «книги». То, что могут подразумеваться M1 и M2, следует из рассуждения о «бесчеловечии цареве и единонравных его». Таким образом, ко времени завершения «Нового Маргарита» князь Андрей уже имел устную информацию или письменные материалы о московских гонениях в среде знати. Трудно судить, насколько информация была литературно обработана, однако факт ее целенаправленного собирания предполагает первичную упорядоченность фиксации.

Таким образом, записи 1573 г. Курбский дополнял или уточнял до 1575–1576 гг. Нет необходимости считать, что в M1 и M2 отражены какие-то события, относящиеся ко времени после 1575 г., но работа над M1 и M2 могла продолжаться и после 1575–1576 гг.

Б. Третий мартиролог. Иначе дело обстоит с «кроткими повестями»[27] — мартирологом священномучеников. Во-первых, как показали независимо друг от друга Б. Н. Морозов и В. В. Калугин, упоминание архиепископа Леонида на *Апостоле толковом* 1 марта 1575 г. в чине архиепископа, а также обстоятельства его опалы и

смерти *в 1575 г.* вместе «со двема... игумены» (чудовским Евфимием и симоновским Иосифом) — в пользу позднего происхождения отрывка[28]. Во-вторых, в М3 цитируется[29], как установлено В. В. Калугиным, поздний перевод Курбского «Жития Николая Мирликийского» Симеона Метафраста (1578 – начало 1579 гг.)[30]. В-третьих, составление этой части не входило в планы автора, когда он начинал называть имена мучеников (речь идет только о благородных и славных). В-четвертых, в начале М3 князь Андрей сильно дистанцируется от предыдущего текста, ставя не только условную грань между предыдущим и последующим, но формулируя новую, ранее не запланированную проблему («в недостатцех или в погрешенных молимся простити»[31]). В упомянутом отрывке предисловия к «Новому Маргариту» говорится только об одном священномученике — митрополите Филиппе. В М2, в мартирии Колычевых содержится намек на краткое упоминание митрополита «последи», но мог иметься в виду краткий отрывок, попавший в примечание к предисловию и расширенный уже затем специально для «Истории».

В. Греческое посольство. Требует прояснения крайне интересное упоминание Курбским в М3 обстоятельств присылки к царю от константинопольского патриарха книги царского венчания[32]. Повествование «Истории» точно следует событиям, известным по 1-й Греческой посольской книге[33]. В январе—феврале 1557 г. царь отправил к патриарху старца Феодорита Кольского с грамотой[34]. На следующий год 2 декабря царем получены ответные грамоты[35]. В сентябре 1561 г. в Москву приезжает митрополит Евгриппский Иоасаф с грамотой о царском венчании[36]. В «Истории» рассказывается именно об этом событии. Только списки первого типа точно передают порядок текста и содержат имя одного их патриарших представителей: «А потом вскоре и книгу царского величества венчания всю патриарх прислал к нему до Москвы со своими послы митрополитом единым и со Михаилом призвитером протипсалом, яже ныне митрополитом Андренополским есть»[37]. Если довериться сообщению Курбского, то следует обратить внимание на существенный для датировки «Истории» *praesens*, позволяющий считать время хиротонии этого Михаила за *terminus post quem* создания отрывка текста. Необходимо только ответить на непростой вопрос: кем был Михаил?

Из сведений князя Андрея можно почерпнуть, что его знакомый в момент появления в России был священником и начальником хора. Царь, подозревая митрополита Евгрипского в разведывательных связях с Речью Посполитой[38], задержал посольство на три года и отпустил в сторону Грузии в сентябре 1564 г.: с митрополитом отправились святогорские старцы, экклесиарх Феофан и патриарший слуга Михаил[39]. Может ли быть последний упомянутый в отпуске знакомым Курбского? Положительному ответу препятствует то обстоятельство, что на обратном пути путешественников постигло несчастье: их дары были отобраны грузинским царем Леоном, митрополит вступил в борьбу за богатство с собственными миссионерами и вскоре умер, *а слуга патриарший Михаил умер еще раньше, у Кубрюн-бея в степи, где и был погребен*; остатки даров были проедены[40]. Трудно сказать, что стоит за этим рассказом святогорского старца Феофана, письмо от которого Грозный получил 17 декабря 1567 г. Нельзя исключать, что «умершие» были объявлены таковыми, так как хотели скрыться от наказания за невыполнение поручений. Но относясь осторожнее к посланию, придется признать и еще две возможности: Курбский мог ошибиться или оказаться дезинформированным касательно митрополита Адрианопольского или мог иметь в виду другого человека.

Другая возможность анализа — найти митрополита, о котором в неопределенное время, когда писалась «История», мог узнать князь. Во второй половине XVI в. в Адрианополе провинции Haemimonti (Hadrianopolis, Adrianopolis, Edirne) есть сведения о начале правления митрополитов Арсения (1555 г.), Иеремии (1569 г.), Клеменса (1580 г.), Иоахима (1587 г.), Каллиста (1590 г.), Каллиника (июнь 1591 г.)[41]. На тот хронологический рубеж, в который Курбский мог поместить упоминание современного события, приходятся только два назначения — Иеремии и Клеменса. Ни одного Михаила, после митрополита рубежа X и XI вв., неизвестно[42]. В октябре 1556 г. приехавший в Москву от константинопольского патриарха Дионисия митрополит Евгрипский и Кизицкий Иоасаф сообщил Ивану IV о решении Константинопольского церковного собора молиться за царя и его «содержателство» — новый патриарх константинопольский Иоасаф присутствовал на соборе «от ядринополского престола»[43]. Всту-

пив на патриарший престол в августе 1555 г., он уступил свою кафедру Арсению, от имени которого была поставлена подпись на патриаршей грамоте, составленной около ноября 1560 г.[44] В сентябре 1564 г., отправляя в обратный путь константинопольское посольство, царь пожаловал 40 рублей «андрианополеоскому митрополиту Арсениосу»[45]. Затем никаких упоминаний адрианопольского престола в 1-й греческой книге не обнаруживается, а посольские записи за 1571–1582 гг. не сохранились[46].

Впрочем, речь у Курбского могла идти и об Адриануполе (Adrianoupolis, Drynopolis, Hadrianopolis, Iustinianopolis, Libochovo) Никопольской митрополии (Provincia Veteris Epiri), где до января 1564 г. архиепископом стал Макарий, а его известные восприемники до начала XVI в. занимали кафедру неопределенное время, и никто из них не носил имени Михаил[47].

Если предположить, что имя Михаил присутствовало в протографе и что Курбский перепутал епархию его пастырства, то из известных Д. Федальто митрополитов Восточной церкви во второй половине XVI в. следует отметить митрополита Азиатского диоцеза Константинопольского патриархата Provinciae Cycladum Insularum города Methymna (Molibos, Molyvos) Михаила, который был хиротонисан не позднее 1560 г., и не позднее 1567 г. на его пастве уже известен митрополит Игнатий[48]; митрополита Византийской церкви Антиохийского патриархата г. Danaba (Danba, Danafa, Donafa, Danafou, Sidnaia, Saidnaia, Mehin) Михаила, который появляется в источниках за неопределенный период XVI в.[49]. В маронитской церкви в епархии Бейрут Антиохийского патриархата с марта 1567 по сентябрь 1596 г. правил Michael Risi, el-Ruzzi[50]. В якобитской/западно-сирийской церкви Provinciae Phoeniciae Secundae Антиохийского патриархата в Дамаске не позднее 1583 г. известен Michael Iesu[51], а в той же церкви и в тот же период в Эдессе — Michael Iacobus[52]. Между серединой XIV в. и 1567 г. в епархии Третьей Палестины Византийской церкви есть сведения об архиепископе Фарана (Pharan, Paran, mons Sinai, Fayran) Михаиле[53]. Воспоминания Курбского избирательны и свидетельствуют о его личном внимании к данному представителю патриаршей миссии, поэтому вряд ли уместно допустить амнезию или преднамеренную ошибку. С другой стороны, слух о назначении его знакомого митрополитом Адриано-

польским мог быть неоправданным, но не настолько, чтобы спутаны были сразу и кафедра, и ее статус. Остается допустить, что либо наши знания о митрополитах неполны, либо священник Михаил принял монашество и поменял имя. Однако лучше считать проблему открытой[54].

Переписка с Иваном Грозным

А. Второе Послание царя. Невостребованным до сих пор ресурсом остаются письма царя Ивана к князю Андрею. В ИВКМ два пространных обращения к Ивану Грозному. Оба занимают итоговое положение по отношению к хронике и мартирологам. Построены они сходным образом, и можно заметить между ними определенную симметрию. В обоих отрывках присутствуют сцены царского пира, которые сводят царя с узкого Христова пути на широкий и пространный путь в «свободное хождение»[55]. Контраст достигается в обращении к мученикам. В повести о суде над советниками цитируются слова царя о том, что он украшает гробы и раки погибших и пострадавших от отца и деда[56]. Курбский возмущается формальным воздаянием, не сопровождавшимся внутренним раскаянием за деяния предков, и тут же вменяет царю, что некому не только украшать гробы и раки новых мучеников, но и восхвалять и почитать их самих[57]. Именно этому посвящено заключение[58], завершенное словами о том, что пострадавших ждут на Страшном Суде воздаяние и венцы мученические[59]. Сходство двух обращений подкрепляется образом змея, который истолкован в «Истории краткой» в связи с «Откровением» Иоанна Богослова[60]. Оба отрывка в настоящем виде демонстрируют зависимость от НМ и составлены после завершения его предисловия.

С. О. Шмидт обратил внимание на формы риторических личных обращений Курбского к Грозному в повести о суде над советниками[61]. Во Втором Послании Курбского (далее: ВПК) заявлено: «А хотех на кождое слово твое отписати, о царю...»[62]. Князь удержал руку, отложил спор до Страшного Суда, но это не значит, что Первое Послание Грозного (далее: ППГ) осталось без развернутого ответа. Открытая полемика с царем в ИВКМ в заключительных разделах хроники и мартирологов содержит зна-

чительные аллюзии на Второе Послание Грозного и тесно примыкает к серии писем, составивших в «Сборнике Курбского» ТПК. Царь, уничижаясь в начале послания, сравнивает себя с иудейским царем Манассией (696—642 гг. до н. э.): «иже паче Монасия беззаконовах, кроме отступления»[63]. Курбский не приводил в своих ранних текстах подобного сравнения, и царь не почувствовал его в Первом Послании Курбского (далее: ППК), что ясно из его ответов. Покаянная ремарка под пером царя Ивана не была спровоцирована. Ее ассоциативный круг чрезвычайно богат и сводится к качествам неправедного правителя, подчиненного соседнему государству (Ассирия — Крым?), переполнившего Иерусалим невинной кровью (царь как бы признает серию упреков ППК) и творившего языческие мерзости перед Ликом Господним (от чего царь отказывается)[64]. Князь Андрей ухватился за образ и развил его в ТПК (1), сославшись на (легендарное) покаяние иудейского царя «по кровопийствах и неправдах» и указывая на необходимость новозаветного покаяния с намеком на «четверосугубное» возвращение награбленного евангельским Закхеем[65]. В заключении хроники ИВКМ образ получает дополнительное развитие. Беды московского правителя, обрушившиеся на него «за советом любимых твоих ласкателей и за молитвами Чюдовского Левкии и прочих вселукавых мнихов»[66]. Курбский взывает к царю, что настал час «образумитися и покаятися ко Богу, яко Манасия»[67]. Следует серия цитат из «Нового Маргарита», примеров из московской истории, намеков на мартирологи, рассуждений о задачах историографа, ссылок на Псалтирь, и только тогда замечание о Закхеевом покаянии[68]. Эпистолярный полемический тон почти исчезает, острота упрека в лицемерии снята. Но это только потому, что исчезает адрес, каковым в ТПК была цитата из ВПГ. В ИВКМ возникает новый контекст, не допускавший ссылки на царское письмо. Наиболее вероятным представляется, что первоначальный вид ответ Курбского на смирение Грозного имел в ТПК и позднее «конспект» расширился в ИВКМ. И даже если тема развивалась в двух памятниках параллельно, ее спровоцировал царь в послании 1577 г.

То, что ИВКМ отвечала на царские послания, доказывается возвращением к полемике не только в завершении хроники, но и в заключении ко всему тексту. Князь Андрей едко обыгрывает,

по крайней мере, два убеждения царя: в том, что он христианский царь, и в том, что он не приносил языческих жертв христианскими душами.

Б. Письма Курбского. С. А. Елисеев заметил, что А. М. Курбский не цитирует в своих письмах царю ИВКМ, и предположил на этом основании, что ИВКМ к моменту составления последнего письма еще была в работе. Но вопрос о соотношении писем Андрея Курбского Ивану Грозному с ИВКМ сложнее. Если Второе Послание Курбского, возможно, в силу сжатого объема, не показывает сюжетных связей с ИВКМ, то примеры ТПК и переработки ППК позволяют обнаружить множество таких связей.

Уже Д. Л. И. Феннелл обращал внимание на цитатные совпадения III ПК с ИВКМ. Исследователь считал, что ИВКМ составлялась «более или менее одновременно» с посланием[69]. Текстологический анализ совпадений склоняет меня к сходному, но более нюансированному выводу. Я полагаю, что замечания Курбского в первом ответе (составленном около 1577–1578 гг.) об избранном совете и Сильвестре лучше переданы в ИВКМ. С избранным советом в ИВКМ связан определенный круг приближенных царя, из которых в ТПК (1) упомянут только Сильвестр. Мне удалось проследить зависимость чтений от таких отрывков ИВКМ, как повесть об избранной раде (с примыкающими к ней вставками в мартирологах и повестью о митрополите Германе), повесть о суде над советниками и заключение ИВКМ. Особенно выразительно упоминание «Афродитовых дел»[70], якобы изложенных в ППГ. А. М. Курбский скорее всего приписал это упоминание Грозному, ориентируясь на собственный труд[71]. В поздних частях ТПК, относящихся к 1579 г., присутствует уже ссылка на житие Николая Мирликийского из агиографического свода[72], цитата из которого встречается и в ИВКМ в мартирологе духовенства. Это также признак единовременности работы над рядом сочинений.

Итак, рассуждения об избранной раде появляются в ИВКМ не только после собирания первоначальных материалов для трактата, но и позже составления отдельных частей целого сочинения. Можно заметить, и уже отмечалось в литературе, что «рады» нет в казанском сказании[73], а в ливонских повестях она (совет о имени Господа) появляется в связках между повестями и скорее

всего входит в особый по времени создания отрывок. Запись о принадлежности кн. Д. И. Курлятева к избранной раде и краткое упоминание избранности М. Я. Морозова также содержат черты вставок: фраза о Курлятеве приписана после завершающих слов обо всем роде Курлятевых, а весь мартирий Морозова создан после завершения М2. Не противоречит моей концепции и последнее упоминание рады в повести о митрополите Германе[74]: М3 является самой поздней частью ИВКМ. Кроме того, «совет» окружен уже чародейской тематикой, отразившей поздние влияния на мировоззрение автора.

«Раду» в главной повести об избранных советниках в начале хроники окружают цитаты из «Нового Маргарита» и следы влияния трудов Иоанна Дамаскина на высказывания Курбского о разумном самовластии человека, независимо от социального статуса. В поздних отрывках, сопровождающих М3, встречается тема чар и полной зависимости человека и целой страны от колдовства. Здесь влияние Иоанна Дамаскина также присутствует, превращаясь в общий евангельский постулат о неизбежности Суда как для царей, так и для простых.

В ППК редакции «Сборника Курбского» – далее: ППК(сб.) – была внесена правка, в некоторых случаях дословно совпадающая с пассажами ИВКМ:

1) В ППК(сб.) к упоминанию пролитой в храме крови кого-то из воевод добавляется «во владычных торжествах» (то есть в воскресенье)[75]. Сходный контекст читается в ИВКМ в рассказе о гибели кн. М. П. Репнина. Отрывок 119/34–35 «и наполниша помост церковныи весь кровию святою» в рукописной традиции встречается в списках первого извода после слов «...аки агнца Божия неповиннаго» (о кн. М. П. Репнине)[76], а в списках второго и последующих изводов после слов «...на самом празе церковном» (о кн. Ю. И. Кашине)[77]. Обратимся к содержательным значениям. Чтобы принять чтение первого извода, необходимо выяснить, соотносится ли «помост» с «алтарем», у которого, согласно описанию ИВКМ, был заклан кн. М. П. Репнин. «Помостом», думается, Курбский мог назвать любое возвышение в храме или перед ним, будь то солея с амвоном или паперть[78]. Но круг значений сужается, если обратиться к другим сюжетам ИВКМ, в которых фигурирует помост. И. В. Шереметева царь мучил «пре-

злою ускою темницею и острым помостом приправлену»[79]. Речь идет о каком-то пыточном устройстве, находящемся внутри тюремного помещения. В пользу истолкования слова «помост» как части интерьера говорит также упоминание помоста пиршественной палаты в сцене убийства Молчана Миткова, но в этом случае говорится, что слуги царя выволокли раненого и добили его «вне храмины»[80]. Уже стояние «близу» алтаря следует рассматривать как метафору, сгущающую чудовищность преступления царевых слуг. Непосредственно у алтаря, скрытого иконостасом, князь стоять во время богослужения не мог[81]. Сомнение относительно значения слова «помост» могло возникнуть у писца У-301, нашедшего (в 1670-х гг.) более уместным его сближение с «прагами церковными». «Святая кровь», упомянутая и в кочующем отрывке, пролита именно внутри храма («во церквах Божиих»), дословно совпадает с ИВКМ и второе замечание о «прагах церковных». Поскольку в ИВКМ недвусмысленно поясняется, что Репнин убит у алтаря, а Кашин, «ко церкви грядущ», — на пороге, не остается никаких сомнений, что верную последовательность текста передают списки первого извода[82]. Изменение произвел создатель У-301, и оно закрепилось во всей нисходящей традиции[83].

Убийство двух воевод стало для него тяжелым потрясением (и, возможно, повлиявшим на решение бежать из Юрьева[84]). Первые же слова ППК призваны намекнуть на событие 16 января 1564 г.: «и победоносную святую кровь их во церквах Божиих [ППК(сб.): во владычных торжествах] пролиял еси и мученическими кровьми праги церковные обагрил еси»[85]. Позднее авторское добавление[86] о празднике в тот день свидетельствует о сильном впечатлении князя Андрея от тайных казней. Слова послания о «владычном празднике» прямо соотносятся с текстом ИВКМ и, как следует из нашего анализа, относятся к истории гибели кн. М. П. Репнина. Соответствующее уточнение в ИВКМ, что убийство произошло в «день недельный», позволяет говорит о зависимости исправления ППК(сб.) от ИВКМ.

Слова Курбского о помосте — поздняя интерполяция в отрывок, переработанный из ППК$_1$ под воздействием ППГ. Упоминание «владычных торжеств» в ППК(сб.) связано с появлением ремарки «день недельный» в М1 и, наиболее вероятно, зависит от пространного рассказа ИВКМ.

2) Еще одно дополнение в ППК(сб.) — «мужеством храбрости их» не находит точных соответствий в ППК$_1$ и письмах Ивана Грозного, но на сей раз демонстрирует текстологическую близость с ИВКМ[87]. «Прегордые царства», разоренные, согласно ППК$_1$ христианскими воеводами, по индикатору «мужеством храбрости» — неоднократно в ИВКМ и вставка при создании ППК(сб.) — могут быть отождествлены с царствами «скверных измаилтян» из ИВКМ[88].

3) Ю. Д. Рыков проследил текстологические связи отрывка ППК(сб.) «но развие нестерпимую ярость и горчайшую ненависть паче раждеженные пещи являешь к нам» с ИВКМ[89]. Можно добавить лишь, что в ИВКМ первого и второго извода говорится также о «клещах раждеженных» или «разженных» в одном контексте со сковородами и печами, то есть сходство между отрывками послания и заключительной части ИВКМ приближается к текстологическому[90].

4) Выразительный пример зависимости ППК(сб.) от ТПК и ИВКМ предоставляет амплификация о новых боярах, «иже тя подвижут на Афродитския дела»[91].

Трудно допустить, что на серии исправлений в ППК(сб.) сказался общий ход мыслей автора, а не готовый нарратив, в частности, ИВКМ или какая-то авторская редакция ее текста.

ППК, судя по эпистолярным дополнениям, предназначалось автором для повторного прочтения адресатом[92]. Вместе с тем в ТПК говорится только о намерении направить царю вместе с ответом на его Второе послание еще и ответ на ППГ — о повторном отправлении ППК в Москву речи не идет. Следовательно, идея составить сборник сразу из трех посланий Ивану Грозному родилась после сентября 1579 г., когда было завершено ТПК, и никак не позднее мая 1583 г., когда Курбский скончался. Неизбежен также и другой вывод: к моменту составления ППК(сб.) были готовы те части ИВКМ, на которые ППК(сб.) ссылается. Наиболее логичным представляется существование каких-то особых обстоятельств, натолкнувших Андрея Курбского на идею сборника писем. Более подходящий момент, чем лето 1581 г., за конец 1579 — начало 1583 г. трудно обнаружить. В начале августа этого года польским канцлером Яном Замойским было подготовлено резкое послание Ивану Грозному — к отправленным москов-

скому государю сочинениям о его тирании было обещано добавить новые[93]. А. М. Курбский, принявший участие в военных сборах войска Стефана Батория, получил возможность переправить и свои письма в «адову твердыню», и обещанный Ивану Васильевичу трактат о его правлении.

Комплекс переводов

А. «Новый Маргарит». Э. Л. Кинан впервые указал семь заимствованных отрывков из «Нового Маргарита» (5/8–15, 53/1–5, 53/32, 106/5–107/1, 110/35–111/20, 113/2–7, 133/30–134/9)[94]. В. В. Калугин расширил список, добавив для первой части трактата[95] 24/36–37, 54/1–32, 104/34/12–13, 115/13–23, 150–156, 183/12–15. В случае с житием митрополита Филиппа сходство определяется текстологическими совпадениями жития «Истории» с глоссой о митрополите из предисловия к «Новому Маргариту»[96]. А. И. Филюшкин подробно разобрал связь образа Сильвестра ИВКМ с глоссой к НМ о пророке московского пожара[97]. Названными примерами связь ИВКМ и НМ не исчерпывается. Вступительный пассаж к мартирологам о порядке московских репрессий 116/16 – 117/1 текстуально близок к отрывку «Истории вкратце» (1v/21 – 2/2). Ссылка на житие Иоанна Златоуста из НМ содержится в примечании 151/18/9. Обширный пересказ из «Истории краткой» НМ – отрывок 161/26 – 163/32, но обращение в ИВКМ к колдовскому воздействию клятв опричников свидетельствует о новых веяниях в представлениях князя Андрея. Насыщена перекличками с «Историей краткой» и вся заключительная часть ИВКМ (187/5 – 194/21). Как показывает сегментированный анализ НМ и ИВКМ, связей между ними гораздо больше. Специального комментария потребуют частные разночтения.

Название предисловия к НМ «История кратка» возникло потому, что отражало состояние исторических трудов князя на середину 1575 г. Эта своеобразная редакция еще не строится на принципе контрастов – «огнь мучительства прелютеиши» и «лютость кипяща презелная на народ хрестианскыи»[98] в ИВКМ превратятся в «пожар лютости»[99]. В «Истории краткой» появляются слова о всеродном избиении сановитых вельмож «и веси, и села со живущими их убогими подручними со женами з детками»,

«и младенцов в первом возрасте и в мяхком телеси и сущих от сесцов матерных не пощадил»[100]. Интересно, что в первом виде пространной редакции ИВКМ данный отрывок из мартирия И. П. Федорова передан лучше и может считаться первичным[101]: «и веси» является глоссой к «и села», перед которыми упомянуты еще «и места». Кроме того, весь отрывок в НМ кажется вырезкой из более широкой панорамы зверств опричников, которым царь «ани скота ни единого живити повелел»[102].

Еще один отрывок в ИВКМ о Михаиле Матвеевиче Лыкове[103] служит ключом к общему требованию свободного выезда за границу в «Истории краткой»[104], и вполне возможно, что писатель имел в виду судьбу именно этого юноши, уже намеченную в предварительных записях к ИВКМ.

«Мужи нарочитые и светлые чиновники» в «Истории краткой» еще не составляют идеального совета и предстают просто пассивными жертвами[105]. И это лишний раз заставляет думать, что «избранная рада» возникла не ранее предисловия к НМ.

Итак, можно отметить одну особенность отношения ИВКМ к НМ. В отрывках, близких к повести о рождении лютости, письму в конце хроники, мартирологу духовенства и заключению, цитируется, часто с прямой ссылкой, именно НМ. Отрывки, примыкающие к хронике, первым мартирологам и воинским повестям, либо вовсе лишены цитатных совпадений с НМ, либо лучше передаются в ИВКМ и могли повлиять на «Историю краткую».

Б. Заимствования из тома «Догматики». Казалось бы, отсутствие прямых цитатных совпадений ИВКМ с сочинениями, входящими в том переводов из Иоанна Дамаскина и дополнительных материалов, косвенно подтверждает идею о том, что основной текст трактата составлялся до 1576–1579 гг.[106] Осторожнее было бы полагать, что систематические философские труды в меньшей степени, чем проповеди, назидания, поучения и письма, соответствовали творческим ориентирам Курбского, когда он работал над ИВКМ. Определенное воздействие «Догматики» на его творчество прослеживается. Размышляя о пользе для правителя благочестивого совета, князь Андрей ссылается на притчи Соломона, а в скобках или в виде вставки помещает пояснение к его словам: «понеже яко безсловесным есть належит чюв-

ством по естеству управлятися, сице всем словесным советом и разсуждением»[107]. Это может быть конспективным переложением в различных контекстах повторяемых в «Источнике знаний» идей[108]. Наиболее близки слова из гл. 22 кн. 2 с примечаниями переводчика (или редактора): «а в животных убо неразумных [безсловесных] вожделение некогда бываеть, абие движение ко деланию, понеже безсловесно желание безсловесных, и бывают водими от естественнаго хотения: того ради не волею нарицается оных безсловесных желание, ани советом, понеже воля есть разумна, и произволенную имеет силу естественнаго желания, а в человецех убо имеющих разум, бывает вящеи ведено естественное желание, нежели водить [в разумном, сиреч в человеце, вящеи управляеть и водить воля с советом и разумом, нежели водится, альбо водима бывает от естественнаго вожделения безсловесные части души], своиственною убо волею и разумом движется»[109]. В обвинительной речи против Вассиана Топоркова пример о совете и разуме ангелов приводится со ссылкой на Дионисия Ареопагита и других великих учителей[110]. Заметим, что непосредственная ссылка на Иоанна Дамаскина отсутствует как в тексте, так и в виде глоссы, хотя выше к словам о «добром произволении» на поле приведено указание на толкование Златоуста 2-го послания к Коринфянам, переведенное, видимо, не ранее конца 1575 г.[111] Одним из «других учителей» мог быть Иоанн Дамаскин, но значит ли это, что у Курбского был уже опыт перевода и комментирования его сочинений ко времени рассуждений об отличии людей и ангелов от животных?

В. «Симеон Метафраст». Особенно существенны отрывки третьего мартиролога, текстуально совпадающие с текстами «агиографического свода» Син-219, возникшего не ранее 1575 и скорее всего около 1579 г. Построение основано на единственной цитате внутри текста ИВКМ (не считая глосс), текстологический анализ которой не исключает общего источника с Син-219, а возможно, и ее первичности по сравнению со сводом, в котором пропущено, судя по контексту, необходимое слово: «Понеже пустыня покоя и ума *почивания* наилутчая родительница и воспитательница»[112]. Датирующий признак не исчезает, но усложняется его применение. Его действие, независимо от решения вопроса, ограничивается третьим мартирологом.

Структура и развитие ИВКМ

«История» в дошедшем до нас виде полностью сложилась в Речи Посполитой. Ее язык насыщен западнорусскими конструкциями и лексемами. Этому факту по двум причинам нельзя придавать решающее значение в вопросе, сохранились ли в тексте следы сочинений князя, созданных им в «московский» период его жизни. Во-первых, трактат писался под диктовку автора, и в образовавшемся «изводе» мог отразиться диалект писца[113]. Во-вторых, в авторский замысел поздних редакций (или: поздней редакции) могло входить приспособление ранее заготовленного текста для западнорусской аудитории.

Определяя первоначальный состав, возникший, возможно, в виде особых повестей и списков черных, необходимо обратиться к словам Курбского в других текстах о своих знаниях. Уже к 1575 г. он слышал и видел столько, что мог бы написать книгу. Эту книгу к тому времени пополнили бы в каком-то виде существовавшие записки о взятии Казани и Ливонской войне, которые подразумевались в I ПК: «но хотех рещи вся по ряду ратные мои дела, их же сотворил на похвалу твою, но сего ради не изрекох, зане лутчи един Бог весть»[114]. Думается, повесть о Ливонской войне обрывается на сюжете снятия кровли в Феллине не по особым литературным или политическим причинам, а из-за утраты завершающих тетрадей, которые могли быть в черновиках и попортиться при хранении, а могли быть устранены по определенным соображениям автора. Сюжет Казанской повести завершен, тогда как ливонская служба Курбского изложена неполно и рассказ о ней оборван. В разметанных листах должны были пребывать первые два мартиролога. Появление краткой заметки о митрополите Филиппе только в «Истории краткой» — свидетельство того, что к середине 1570-х гг. возникли планы включения житий в сочинение. На мысль о последовательности именно от глоссы к житию наводит возникновение в ИВКМ дополнительной версии гибели митрополита. Следов дополнительной версии о казни на углях еще нет в глоссе: она могла быть получена от информантов князя Андрея. В то же время ИВКМ представляет своеобразный ключ к иносказаниям ППК. Почти дословно в ней повторяются слова о том, что царь пролил «побе-

доносную кровь» воевод «во церквах Божиих» и обагрил мученическою кровью «праги церковные», но в ИВКМ раскрыты имена князей П. И. Репина и И. Ю. Кашина[115]. Постепенность накопления записей о мучении избранных в Московии доказывается порядком расположения мартириев в последней редакции. Очевидно, основная работа по их сбору была завершена к 1573 г. И это связано, конечно, не с ослаблением в дальнейшем творческой активности князя, а с прекращением в Москве волны политических репрессий. Все последующие казни и избиения вошли в состав мартирологов уже тогда, когда основные материалы прошли первичную систематизацию. Замечания в их составе об «избранной раде» относятся к более позднему времени: когда-то не ранее 1575 г. вписаны сведения о кн. Д. И. Курлятеве и дополнение о М. Я. Морозове.

Не позднее 1578 г. должны были существовать части или наброски ИВКМ, отразившиеся на ТПК (1), а между сентябрем 1579 и августом 1581 г., ближе к верхней дате, А. М. Курбский переработал ППК для сборника своих сочинений, который он, видимо, намеревался отправить Ивану Грозному.

Все последние отрывки ИВКМ, тяготеющие к завершению хроники, плачу, МЗ, отражают новый взгляд князя на московские политические реалии и причины упадка царствующего дома. Наиболее поздними являются мартирологи духовенства. Работа над ними кажется завершенной, но последние дополнения в ИВКМ князь мог сделать уже незадолго до смерти. Близки к этому периоду памфлетные обращения к теме душевного спасения царя в заключительных разделах после «первой» и «второй» частей, которые князь мог дорабатывать еще около рубежа 1581–1582 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее см.: *Auerbach I.* Gedanken zur Entstehung von A. M. Kurbskijs *Istorija o velikom knjaze Moskovskom* // Canadian and American Slavic Studies. 1979. Vol. 13. № 1–2. S. 170; *Ерусалимский К. Ю.* 1) Конструирование современности в «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского: постановка проблемы // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апре-

ля 2002 г.: Материалы конференции. М., 2002. С. 68–74; 2) Понятие «история» в русском историописании XVI века // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 395–399.

[2] *Лихачев Д. С., при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва.* Текстология на материале русской литературы X–XVII веков. 3-е изд. СПб., 2001. С. 280–299.

[3] Там же. Стб. 135/3–8, 7/33 – 8/3.

[4] Там же. Стб. 135/23–24; 59/12–15, 61/7 сл., 63/27 сл.

[5] Там же. Стб. 144/5–9; 7/22–25.

[6] Там же. Стб. 7/22–25.

[7] Ambrosii Calepini Dictionarium, tanta tamque multa verborum... Lutetiae, 1570. P. 75, 196–197, 487.

[8] История. Стб. 121/35–36; ср.: 33/17–19.

[9] *Елисеев С. А.* О времени создания А. М. Курбским «Истории о Великом князе Московском» // ИСССР. 1984. № 3. С. 151–154.

[10] *Auerbach I.* Gedanken zur Entstehung... S. 171; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 44.

[11] История. Стб. 111/18–25.

[12] Там же. Стб. 111/25–31.

[13] *Зимин А. А.* Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? // ТОДРЛ. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 305–308.

[14] *Prince A. M.* Kurbsky's History of Ivan IV / Ed. with a transl. and notes by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1965 (далее: History). P. VII; *Морозов Б. Н.* Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке странствующего монаха Ионы Соловецкого (к вопросу о распространении переписки в конце XVI–XVII в.) // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584. M., 1997. С. 477–480.

[15] История. Стб.148/36 – 149/12.

[16] К такому выводу (принадлежащему А. А. Зимину) подталкивает возвращение Курбского к теме рождения Иоанна, раскрытой в начале трактата, и ее переосмысление, не характерные для *M1–2* цитаты из Златоуста и обостренное внимание к теме чародейства, кстати, наиболее актуальной для князя во время его бракоразводного процесса с кнг. М. Ю. Гольшанской в 1578–1581 гг., – причем последние особенности сближают «плач» с финальной для первой части повестью о суде над избранными советниками, с описанием начала «пожара лютости», предваряющим княжеский мартиролог и в некоторых списках даже по ошибке сросшимся с ним, и с мартирием митрополита Филиппа.

[17] Акты Российского Государства: Архивы московских монастырей и соборов: XV – начало XVII вв. / Отв. ред. В. Д. Назаров. М., 1998. № 75. С. 189, 473.

[18] История. Стб. 143/25–29.

[19] Там же. Стб. 141/31–32.

[20] *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 46–70.

[21] История. Стб. 143/36 – 144/4.

[22] Там же. Стб. 119/1–5.

[23] Там же. Стб. 107/29–31.

[24] Там же. Стб. 56/17–25.

[25] Там же. Стб. 57/2–11.

[26] *Kurbskij A. M.* Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift / Hrsg. von Inge Auerbach. Giessen, 1976. Bd. 1. Lfg. 1 (далее: NM). Bl. IV.

[27] История. Стб. 169/20–21.

[28] Там же. Стб. 160/15–20; *Морозов Б. Н.* Первое послание Курбского... С. 477–478; ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 174, 186, 262–263; Пискаревский летописец / Подгот. О. А. Яковлева // Материалы по истории СССР. Т. 2. М., 1955. С. 81, 148, 163–164. Прим. 89; *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 198–199, 229.

[29] История. Стб. 170/17–26.

[30] Впрочем, направление заимствования неясно. Ниже мы вернемся к данному сюжету.

[31] История. Стб. 149/33 – 150/8.

[32] Следует читать «венчания», как в списках 1-го извода. Ср. у Кунцевича «величества»: Ист-180/23; ОР РГБ, Тихонравов-639 (далее: Т-639), л. 546 об.; Государственный архив Ярославской области. Коллекция рукописей. Оп. 1. № 10 (далее: Я-10), л. 152. Ошибка произошла в протографе ПР$_2$ из чтения в ОР ГИМ, Уваров-301 (далее: У-301), л. 124 об. и ОРРК ЦНБ Харьковского государственного университета-168/с (далее: Х-168), л. 125 об.: «и книгу царского величества венчания». Впрочем, список третьей пространной редакции Det Kongelige Bibliotek København. Ny Kongelig Samling-327 (далее: К-327) дает только чтение «величества» (л. 79 об.), и это может значить, что в источнике традиции могло, как в У-301, присутствовать два слова в строке или одно из них в глоссе.

[33] РГАДА. Ф. 52 (Греческие дела). Оп. 1. Кн. 1 (1509–1571 гг.); *Гладкий А. И.* К вопросу о подлинности «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского (житие Феодорита) // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 240. Подробно состав и кодикологические особенности 1-й греческой книги охарактеризованы: *Каштанов С. М.* Эволюция великокняжеского и царского титула в грамотах афонским монастырям XVI в. // Россия и Христианский Восток. Т. 1. М., 1997. С. 109–117.

[34] История. Стб. 180/1–19; РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 90–90 об., 111–113 об.; [*Муравьев А. Н.*]. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. Ч. 1. С. 82.

[35] История. Стб. 180/19–22; РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 114–122 об.; [*Муравьев А. Н.*]. Сношения России с Востоком... С. 86–88.

[36] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 174–174 об.; [*Муравьев А. Н.*]. Сношения России с Востоком... С. 104–107.

[37] У-301, л. 124 об.; Т-639, л. 546 об. (нет слова «есть»); Я-10, л. 152–152 об.; К-327, л. 79 об. Во втором типе исчезает имя пресвитера: «и со Михаилом» заменяется на «и со мнихом». Ошибка появляется уже в Х-168, л. 125 об.

[38] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 174–174 об., 197–197 об.

[39] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 199 об.– 200; Оп. 2. Д. 3; [*Муравьев А. Н.*]. Сношения России с Востоком... С. 118; Греческо-русские связи середины XVI – начала XVIII вв.: Греческие документы московских хранилищ: Каталог выставки / Сост. Б. Л. Фонкич. М., 1991. С. 9–10.

[40] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 209 об. – 211, 215–220; [*Муравьев А. Н.*]. Сношения России с Востоком... С. 120–121.

[41] Все датировки приблизительны, указывают только на время, не позднее которого каждый занимает кафедру.

[42] *Fedalto G.* Hierarchia Ecclesiastica Orientalis. Padova, 1988. T. 1. P. 312–315.

[43] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 95 об.

[44] Там же. Л. 179, 190; Оп. 3. Д. 4. Л. 3 об. В патриаршей грамоте об утверждении царского титула Ивана IV митрополит Адрианопольский Арсений подписался восьмым. См. также: *Regel W.* Analecta byzantinorussica. Petropoli, 1891; *Фонкич Б. Л.* Греческие грамоты советских хранилищ // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 247–249.

[45] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 205 об.

[46] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Реестры греческим делам Московского архива Коллегии иностранных дел. Российский государственный архив древних актов. Фонд 52. Опись 1. М., 2001. С. 31–32.

[47] *Fedalto G.* Hierarchia... T. 1. P. 474. Конечно, если архиепископом стал знакомый Курбского, то Макарий никак не мог быть послом в России и выехать оттуда ранее сентября 1564 г.

[48] Ibid. P. 214; см. также: Ibid. P. 416, 560; Ibid. T. 2. P. 686.

[49] Ibid. P. 735.

[50] Ibid. P. 715.

[51] Ibid. P. 731.

[52] Ibid. P. 807.

[53] Ibid. P. 1045.

[54] Еще одна исследовательская возможность – определить годы связей Курбского с патриархами. Пока такие сведения обнаружены только от февраля 1567 г., и они не дают ничего нового в изучаемом вопросе (*Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in Osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16 Jahrhunderts. München, 1985. S. 210. Anm. 3).

[55] История. Стб. 107/19–24; 188/16–189/13.

[56] Там же. Стб. 113/18–22.

[57] Там же. Стб. 113/30 – 114/14.

[58] Там же. Стб. 187/5–7.

[59] Там же. Стб. 192/33 – 194/21.

[60] NM. Bl. 4. Anm. a.

[61] *Шмидт С. О.* К истории переписки Курбского и Ивана Грозного // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 147–151.

[62] ПИГАК. С. 102 (л. 138 об.).

[63] Там же. С. 103 (л. 254).

[64] См.: 4 Цар 21. 1–17; 2 Пар 33. 1–20.

[65] ПИГАК. С. 106 (л. 140 об.).

[66] История. Стб. 109/28–31; Т-639, л. 518 об.; У-301, л. 74 об.

[67] История. Стб. 110/13–14.

[68] Там же. Стб. 115/9.

[69] History. P. VII.

[70] ПИГАК. С. 110 (л. 145 об.).

[71] История. Стб. 189/31.

[72] ПИГАК. С. 114 (л. 154 – 154 об.).

[73] *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР. М., 1962. С. 291; *Морозов С. А.* О структуре «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского Средневековья: Сб. ст. М., 1982. С. 34–43.

[74] История. Стб. 157/35.

[75] ПИГАК. С. 7 (л. 5 об.), 9 (л. 133 об., см. вариант списков Т-639 и Х-168); ср.: История. Стб. 119/22–29; Т-639, л. 522 об.

[76] Т-639, л. 522 об.; ОР РНБ, Санкт-Петербургская Духовная академия-309, л. 124; К-327, л. 55; Я-10, л. 103 об.; ОРРК БАН, собрание текущих поступлений-372, л. 36; ср.: История. Стб. 119/29.

[77] У-301, л. 82; Х-168, л. 84; История. Стб. 119/35.

[78] *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1993. С. 544. См. также в ПВЛ *помост / мост* с телом князя Владимира Святославича (ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 130; Там же. Т. 2. М., 1998. Стб. 115; Там же. Т. 3. М., 2000. С. 169; Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. СПб., 1996. С. 470–471).

[79] История. Стб. 135/25–26, 136/4–6; Т-639, л. 529; У-301, л. 93 об., 94.

[80] История. Стб. 190/26–33.

[81] Это образная фигура, выражающая крайнюю степень святотатства. А. Д. Васильев обнаружил в статье 1382 г. Московского летописного свода конца XV в. аналогию к словам о пролитой царем святой крови «во церквях Божьих» в I ПК: «В священных же олтарех кровь многу прольяша»

[войска Тохтамыша] (*Васильев А. Д.* Лексика посланий А. М. Курбского Ивану Грозному: традиционность и своеобразие: (К вопросу о формировании стилистических норм русского литературного языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1982. С. 8).

[82] А. А. Алексеев во всех случаях переводит «помост» как «пол», но в тексте ОР РНБ, Погодин-1494 (протографа списков пятого извода) сохраняется чтение У-301, и в случае с кн. Юрием Кашиным перевод «пол» означает, что заколот князь на паперти, а его кровь залила «весь церковный пол», что звучит уже как явно избыточная экспрессия (БЛДР. Т. 11: XVI век. СПб., 2001. С. 415, 429, 477).

[83] У-301, л. 82; Х-168, л. 84. Перенести предложение не представляло труда, так как оно было особым периодом, выделенным инициалом.

[84] *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 169.

[85] ПИГАК. С. 7, 9. Более полный комментарий к данному отрывку см.: *Филюшкин А. И.* Герменевтический комментарий к первому посланию Андрея Курбского Ивану Грозному // ACTIO NOVA 2000. М., 2000. С. 82–84, 89. Учтенной здесь ассоциации с «Алфавитом» Иллариона, обнаруженной Э. Л. Кинаном, недостаточно.

[86] Грозный в ППГ цитирует, несомненно, ППК первой редакции ($_1$), и «владычных торжеств» в его почти буквальном передразнивании слов оппонента еще нет – ПИГАК. С. 25 (л. 311), 74 (л. 24–24 об.). Слова ИВКМ, с другой стороны, отвечают на ППГ (формально любой из версий), где после опровержения слов Курбского говорится: «Праги же церковныя, – елика наша сила и разум осязает, яко же подовластные наши к нам службу свою являют, сице украшенми всякими, церкви Божия светится, всякими благостинями, елико после вашея державы бесовския сотворихом, не токмо праги и помост, и предверия, елико всем видима есть и иноплеменным украшения» – ПИГАК. С. 26 (л. 311 об.), 74–75 (л. 25). В высказывании Ивана Грозного помост логически относится к внутренней части храма в противоположность паперти и преддверию.

[87] На это дополнение в ППК (сб.) обратил внимание Э. Л. Кинан, выдвинувший предположение об аллюзии на эти слова ППК (сб.) в ППГ (*Keenan E. L.* The Kurbskii – Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV / With an appendix by D. C. Waugh. Cambridge, 1971. P. 81, 220, n. 36). Р. Г. Скрынников отметил, что выражение «мужеством храбрости их» не цитируется в ППГ первой пространной редакции ($_{1П}$), – это послание царя отвечает на ППК$_1$. Скандинавские исследователи Н. Россинг и Б. Рёне уточнили, что в ППГ$_{1П}$ содержатся слова «храбрости суще», «храбрость и мудрость», «храбрые и мудрые», «ино, се ли храброство». Тема «храбрости», можно сказать, в «разбросанном» виде присутствует в ППГ$_{1П}$ (*Rossing N., Rønne B.* Apocryphal – Not Apocryphal?: A Critical Analysis of the Discussion concerning the Correspondence Between Tsar Ivan IV Groznyj and

Prince Andrej Kurbskij. Copenhagen, 1980. P. 77–82, 84). Э. Л. Кинан возвращается к спору и вновь настаивает, уже учитывая ППГ сокращенной редакции ($_{Ср}$), что редакции «b–e» цитируют ППК (сб.) и никак не ППК$_{I}$, и отмечает, что впервые тема «храбрости» введена в послание царя в ППГ$_{Ср}$ — «неясно, имел ли в своем распоряжении автор GIb редакции KIb, как, возможно, и KIa» (*Keenan E. L.* Apocryphal – Not Apocryphal? – Apocryphal! // Canadian-American Slavic Studies. 1982. Vol. 16. № 1. P. 105). В этом месте следует неясное утверждение, что в рукописной традиции I ПГ$_{Ср}$ необычно тем, что встречается [unusual in being found] как с ПК$_{I}$, так и с ПК (сб.). Это замечание, если я понимаю его правильно, голословно: ППГ$_{Ср}$ встречается только в особом сокращенном сборнике с ППК четвертой редакции, которое Ю. Д. Рыков аргументированно выделяет в особую сокращенную редакцию (*Рыков Ю. Д.* Археографический обзор: Послания Курбского // ПИГАК. С. 312–315). Ю. Д. Рыков перевернул направление зависимости и указал на возможность в случае «мужеством храбрости» воздействия ППГ на ППК (сб.) при том, что оборот «принадлежит Курбскому» и встречается в его ИВКМ (*Рыков Ю. Д.* Археографический обзор. С. 257). Я придерживаюсь точки зрения Ю. Д. Рыкова и Н. Россинга – Б. Рёне, но рассматриваю данный пример в ряду других индикаторов связи между ППК (сб.) с ИВКМ как аргумент в пользу текстологической зависимости ППК (сб.) от ИВКМ.

[88] ПИГАК. С. 9 (л. 134); ср.: История. Стб. 45/17–25, 130/6–7, 192/20–26.

[89] *Рыков Ю. Д.* Археографический обзор. С. 257.

[90] История. Стб. 191/25–31; Т-639, л. 550 об.; К-327, л. 84; Я-10, л. 161; У-301, л. 131 об.

[91] ПИГАК. С. 10 (л. 136); *Рыков Ю. Д.* Археографический обзор. С. 257.

[92] Эпистолярная риторика ППК (сб.) заметно разрастается по сравнению с ППК$_{I}$. Добавляются «о царю» – ПИГАК. С. 9 (л. 133 об.), «а вем, яко и сам их не невеси» – Там же. С. 10 (л. 135 об.), «яко же ты, царю, о сем добре веси» – Там же. С. 10 (л. 136).

[93] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 13. Л. 333 об.; *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570–1582): Историко-критическое исследование. СПб., 1904. С. 219–220. Прим. 3.

[94] *Keenan E. L.* Putting Kurbskii in His Place, or: Observations and Suggestions Concerning the Place of the History of the Grand Prince of Muscovy in the History of Muscovite Literary Culture // Forschungen zur Osteuropäische Geschichte. 1978. Bd. 24. P. 154. n. 74; *Auerbach I.* Novyj Margarit. Bl. I. Anm. 3. Г. З. Кунцевич выявил большее число примеров, специально ссылаясь на них в примечаниях к публикации ИВКМ и отсылая к неизданной второй части запланированной публикации сочинений князя Курбского, где (в верстке) сохранились выдержки из «Нового Маргарита».

[95] Строки и сноски указываю по своим наблюдениям: исследователь ссылается только на столбцы.

[96] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 38, 186–187; NM, 3v; о последовательности развития замысла жития см.: *Ерусалимский К. Ю.* Идеальный совет в «Истории о великом князе Московском» // Текст в гуманитарном знании: Материалы межвуз. науч. конф. 22–24 апреля 1997 г. М., 1997. С. 76.

[97] *Филюшкин А. И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998. С. 231–232.

[98] NM. Bl. 1.

[99] История. Стб. 116/9–23.

[100] NM. Bl. 1v.

[101] Т-639, л. 529. Во всех изданиях текст передан неверно, в явно сокращенном варианте второго вида. Текстологическая необходимость чтения «со живущими убогими людми елико где обрелис» для 135/14, сохранившаяся только в списках первого вида, надежно подкрепляется «Новым Маргаритом».

[102] История. Стб.135/17–18.

[103] Там же. Стб. 138/7 сл.

[104] NM. Bl. 2.

[105] Ibid. Bl. 1v.

[106] *Калугин В. В.* Андрей Курбский. С. 36–37.

[107] История. Стб. 12/9–13. В Т-639 данный отрывок помещен в квадратные скобки (л. 469). В У-301 скобок нет, но начало отрывка совпадает с началом нового листа, при этом первое и последнее приведенные слова отделены от окружающего текста незавершенной строкой на предшествующей странице и значительным пробелом перед продолжением (л. 8).

[108] Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583) / Hrsg. von J. Besters-Dilger unter Mitarbeit von E. Weiher, F. Keller und H. Miklas. Freiburg, 1995. Bl. 36a/16–25, 41a/23–24, 53b/6–16, 103b/12 – 104a/6, 108b/13, 127b/14–15.

[109] Ibid., 53b/6–16.

[110] История. Стб. 55/9–22; Т-639, л. 493; У-301, л. 37 об. – 38.

[111] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 42. Уточним: работа над толкованиями велась уже при подготовке «Нового Маргарита» (гл. 63–66).

[112] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 42; см. также: *Auerbach I.* Novij margarit. S. 169–170.

[113] Такая возможность допускается И. Ауэрбах применительно к Вольфенбюттельскому «Новому Маргариту» (*Auerbach I.* Identity in Exile: Andrei Mikhailovich Kurbskii and National Consciousness in the Sixteenth Century // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584. M., 1997. P. 22, 23). Д. Дас отметил, что Курбский поясняет для западнорусских читателей московские

языковые реалии (пример: «гетман» — «великий воевода») не в момент первого употребления западнорусского эквивалента и в целом бессистемно. Причем конструкция «а по их» («на их, московском языке») иногда заменяется формой «по нашему» (*Das D. H.* History Writing and Late Muscovite Court Culture: A Study of Andrei Lyzlov's «History of the Scythians»: A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. University of Washington, 1991. P. 264–266). «Нашим», впрочем, бывает как московский, так и западнорусский, в некоторых случаях границы притяжательного местоимения вообще неясны. Автор пользуется иностранными словами не только в педагогических целях, но и с явным намерением приукрасить повествование, он комментирует татарскую терминологию, заносит в глоссу латинскую поговорку, постоянно оговаривает употребление западнорусских слов. С одной стороны, это можно рассматривать как стилистический прием. С другой, — нельзя исключать, что в тексте отразился диалог с писцом западнорусского происхождения.

[114] ПИГАК. С. 8 (л. 7–7 об.), 10 (л. 135–135 об.).

[115] Т-639, л. 522 об. Во всех изданиях порядок отрывков в ИВКМ передан неверно.